

Луна уже скрылась за горизонтом, утопив мир в предрассветной тьме. Лишь редкие фонари тускло отражались в сыром после дождя асфальте. Су Мо, заметив, что ливень стих, набросил на плечи плотную куртку и вышел из дома.

Крутя педали старого грузового трехколесного велосипеда, он добрался до ресторана «Сидэлун». У входа одиноко поблескивал лаком «Мерседес» Хань Дуна.

— Уважаемый, мы уже закрылись. Приходите завтра, — окликнул его охранник.

Су Мо указал на припаркованную машину. Тот понимающе кивнул:

— А, за кем-то приехал?

Су Мо подтвердил кивком, и его провели внутрь. В огромном пустом зале, среди убранных столов, остались только двое. Хань Дун и Су Цзинь несли какую-то пьяную околесицу. Заметив брата, он хлопнул ладонью по столу, и он бессильно мотнул головой из стороны в сторону.

— Я же... говорил тебе... не приходи, — пробормотал он, едва ворочая языком. — Холодрыга же на улице.

Хань Дун затянулся сигаретой, глядя на Су Мо затуманенным взглядом. Он лениво ухмыльнулся.

— Надо же, и правда приехал.

Су Мо с нескрываемым отвращением посмотрел на этих двоих. Он попытался поднять брата, но тот обмяк и не двигался. Тогда Су Мо с силой ущипнул его. Су Цзинь болезненно сморщился, и он на мгновение пришел в себя.

— Иду... всё, иду. Прямо сейчас.

После того как счет был оплачен, ресторан окончательно погрузился во тьму. Под светом уличных фонарей Су Мо затащил брата в кузов. Хань Дун, хоть и был мертвецки пьян, еще держался на ногах — пошатываясь, он сам забрался следом.

— Черт, первый раз в жизни еду домой на трехколесном велике... Тачку здесь оставлю, сил нет, спать хочу не могу, — пробормотал он, привалился к борту и мгновенно заснул.

Су Цзинь устроился с краю, свесив ноги. Су Мо в сердцах отвесил ему пинка, заставив вползти поглубже, и только тогда нажал на педали.

Двое взрослых мужчин — ноша не из легких. Су Мо изо всех сил наваливался на педали,

тяжело дыша. Ему потребовалось целых двадцать минут, чтобы добраться до Заводского жилого комплекса, но его пассажиры спали без задних ног.

Раздраженно выдохнув, Су Мо не стал церемониться и отвесил каждому по крепкому пинку. Дружки нехотя открыли глаза. Перед ними, в неверном утреннем свете, стоял Су Мо — вздернутый подбородок, надменный взгляд. Словно принц, взирающий на чернь.

— При... приехали? — сонно пробормотал Су Цзинь.

Су Мо добавил ему еще раз, чтобы тот окончательно пришел в себя. Су Цзинь кое-как сполз на землю.

— Дун-цзы, давай, наверх пора.

— Подсоби... — Хань Дун протянул руку к Су Мо. Тот лишь мазнул по нему презрительным взглядом, скривился и развернулся, даже не коснувшись его пальцев.

Хань Дун проводил глазами его стройные, прямые ноги.

— Ну и характер... Избаловали его в край. Был бы он моим братом, я бы его быстро приструнил.

— Да брось ты, башка раскалывается, — отмахнулся Су Цзинь.

Дома Су Мо наткнулся на отца, который в гостиной пил воду.

— Чего ты в такую рань подорвался? Где брат?

□Он напился, я ездил за ним.□

— А, понятно. Чего ж не поднимаются? — только Су Вэньгэ договорил, как в дверях, подпирая друг друга, показались Су Цзинь и Хань Дун.

— О, Хань Дун тоже здесь. — Су Вэньгэ уже встречался с ним раньше, поэтому сразу узнал. Он повернулся к Су Мо: — В твоей комнате они втроем не поместятся, верно?

— Дядь, я... я на диване как-нибудь перекантуюсь, — Хань Дун потер лицо и пластом рухнул на диван.

— Да куда это годится! Сяо Мо, ложись в комнате матери, а эти двое пусть занимают твою, — распорядился отец.

□А ты?□

— Я на диване устроюсь. — Су Вэньгэ увидел, как Су Цзинь медленно сползает по стенке на пол, и понял, что дело плохо. — Сяо Мо, помоги Хань Дуну дойти. После пьянки надо выспаться по-человечески.

Су Мо, глядя на этих двоих, закипал от ярости. Он нехотя потянул Хань Дуна за руку, но тот внезапно резко дернул его на себя. Су Мо не удержал равновесия и ввалился прямо в его объятия.

В другое время отец бы и бровью не повел — мужчины ведь, — и сейчас он просто подхватил Су Цзиня и потащил в спальню. Су Мо попытался оттолкнуть Хань Дуна, но тот вцепился в него, точно назойливый спрут. Как бы он ни бился, вырваться не получалось. Пришлось со всей силы ущипнуть его за предплечье. Хватка мгновенно ослабла, Хань Дун открыл глаза и наградил Су Мо гневным взглядом.

С мрачным лицом Су Мо оставил его в покое и ушел в комнату матери. Вскоре за дверью послышались тяжелые шаги — пьяниц спровадили в его спальню.

Ночь тянулась бесконечно. Су Мо ворочался с боку на бок, но сон не шел. Наконец, уступив внутреннему порыву, он встал, чтобы умыться и почистить зубы.

Эту любовь к чистоте он унаследовал от матери. Су Моли с детства вдалбливала ему: гигиена — это святое, а зубы и ноги перед сном должны быть безупречны. Если не умоется — кажется, будто день не закончен.

В гостиной уже всюю храпел отец. Су Мо поправил на нем одеяло, чтобы тот не замерз, и направился в ванную.

Открыв дверь, он замер.

Там был Хань Дун. Он сидел на унитазе и безмятежно спал. Но хуже всего было то, что ширинка на его брюках была расстегнута: из-под черного белья выбивалась густая растительность, уходящая куда-то вглубь.

Су Мо неловко застыл на пороге. Ладно бы он сам, мужчина, видел это, но если мать наткнется...

Он легонько пнул Хань Дуна по ноге. Тот приоткрыл один глаз и посмотрел на него затуманенным взглядом. В этой позе он выглядел за пределами бесстыдно.

— Застегни мне штаны, а? Сил нет вообще...

Су Мо с каменным лицом шагнул вперед. Наклонился, взялся за замок, но тут же замялся. Штаны были распахнуты так, что, как ни старайся, пальцы рисковали коснуться самого интимного.

Он старался не смотреть, действовать быстро, но замок словно взбунтовался — шел туго и никак не желал закрываться.

Су Мо сжал зубы и рванул бегунок вверх.

Хань Дун резко втянул воздух. Су Мо опустил взгляд и похолодел: в спешке он не заметил, как защемил молнией те самые волоски.

Ему стало до жути неловко. Хотел помочь, а вышло... И тронуть страшно, и оставить так нельзя. Хань Дун уже всю сверлил его злым взглядом, а на лбу у него выступил холодный пот.

— Пацан, ты что, издеваешься надо мной? — прошипел Хань Дун.

Он сам рывком расстегнул ширинку. Су Мо увидел, как на пол упало несколько волосков, и виновато отступил в сторону.

Он правда не хотел. Просто мечтал поскорее закончить с этой непристойной сценой и не ожидал, что у Хань Дуна там такие джунгли.

Хань Дун потер низ живота, кривясь от боли.

— Твою мать... Больно-то как.

Су Мо, чувствуя уколы совести, попытался его поддержать, но Хань Дун инстинктивно оттолкнул его:

— Еще чего удумал, калека.

Он, пошатываясь, вышел из ванной. Су Мо опустил голову и увидел на кафеле те самые черные завитки. В памяти невольно всплыл плоский живот Хань Дуна и эта сексуальная дорожка волос. Су Мо медленно покраснел.

Оба — мужчины, но почему у него всё иначе? Разница всего в два года, а пропасть такая огромная...

Удивительно, но остаток ночи прошел без сновидений. Су Мо проспал дольше обычного. Когда он вышел в гостиную, матери уже не было, на столе стоял завтрак — хрустящий хворост и лепешки.

— Господи, всё тело будто в мясорубке побывало, — из спальни, потирая поясницу, вышел Су Цзинь. — Родители ушли?

Су Мо лишь мельком глянул на него и, не проронив ни слова, направился в ванную. Как только он стянул штаны, дверь с грохотом распахнулась. От неожиданности всё желание справить нужду мгновенно испарилось.

Не успел он опомниться, как внутрь ворвался Хань Дун. Он припал к раковине, борясь с рвотным позывом.

— Дун-цзы, ты как? — донесся из коридора голос Су Цзиня.

Хань Дуна пару раз вывернуло вхолостую. Он скосил глаза и увидел Су Мо, который вцепился в пояс своих брюк так, будто от этого зависела его жизнь.

— Не сдержался. Продолжай, не отвлекайся.

Стоило ему выйти, как Су Мо заперся. Но спокойствие не вернулось — он еще долго прислушивался у двери, прежде чем решился продолжить.

В старых домах Заводского жилого комплекса на защелках часто экономили. В семье Су было принято стучать, но гости, видимо, о таких тонкостях не слышали. Су Мо твердо решил: сегодня же прибью здесь крючок.

Выйдя из ванной, он услышал жалобы Хань Дуна:

— После пьянки в башке пусто, но почему у меня рука и... и там всё так ноет?

— Где «там»? — не понял Су Цзинь.

Хань Дун зыркнул на него:

— Волосы в паху.

— А? — Су Цзинь на секунду завис, а потом расхохотался. — Ну ты и выдал. Грубо, дружище.

— Я могу и грубее, хочешь послушать? — Хань Дун задрал рубашку, разглядывая синяки на

предплечье. — Нет, я серьезно. Кто меня так отделал? Рука вся синяя.

Су Мо на кухне молча прихлебывал воду, стараясь не выдать себя. Су Цзинь взглянул на него, потом расстегнул свою рубашку — его левая рука была усеяна багровыми пятнами, а старые отметины уже начали желтеть.

— Мать твою, тебя что, черти грызли? — ахнул Хань Дун.

Су Цзинь кивнул в сторону кухни. Хань Дун обернулся и посмотрел на Су Мо.

— И ты ему это позволяешь? Ну и выдержка у тебя, так брата баловать... Но меня-то он за что приложил?

— Значит, заслужил, — философски заметил Су Цзинь. — Вспомни лучше, как мы вчера домой добирались.

Он давно привык к капризам младшего — ну ущипнул пару раз, не беда.

Внезапно лицо Хань Дуна изменилось.

— Погоди... Неужто он мне и волосы там повыдирал?!

Су Мо поперхнулся водой.

— Кха-кха... кха!

— Ты чего, в порядке? — Су Цзинь бросился на кухню хлопать его по спине.

Су Мо кое-как отдышался, он покраснелся от кашля. Подняв глаза, он увидел Хань Дуна — тот подпирал дверной косяк и выжидающе смотрел на него, требуя объяснений.

Вспомнив те злосчастные волоски на полу, Су Мо смутился.

□Это не я.□

Су Цзинь только открыл рот, чтобы перевести, но Хань Дун его перебил:

— Это я и так понял. Говорит, не он.

— Ну еще бы! Зачем ему сдались твои... кхм... кудри? — прыснул Су Цзинь.

— Ладно, проехали. Поеду я.

— Эй, Дун-цзы, ты же вроде с родней в контрах? — окликнул его Су Цзинь.

— Заберу вещи и съеду. После обеда найду жилье, придешь поможешь с переездом.

Хань Дун хлопнул дверью.

□Что у него случилось?□ — не удержался Су Мо.

— Да родители разводятся. Отец его совсем берега попутал, завел девку на стороне. Дун-цзы сорвался, нашел эту шмару и отделал как бог черепаху. Папаша, ясное дело, в крик. — Су Цзинь вздохнул. — Мать его жалко.

Су Мо промолчал. Он и так знал, что этим кончится. Только не ожидал, что Хань Дун настолько бешеный, раз поднял руку на женщину.

□У него всегда такой скверный нрав?□

— Ну, как сказать... Терпения у него ноль, это факт. Но принципы есть, он не из тех шакалов, что слабых обижают. Постой... чего это ты вдруг о его характере запел? Тебе же обычно на всё плевать?

Су Цзинь с подозрением уставился на брата. Су Мо отвел взгляд, привычно ущипнул его за руку и быстро ушел.

— Только и знаешь, что щипаться! — крикнул ему вслед брат. — Ничего, потерплю еще год. Вот найду себе девчонку, тогда посмотрим, кого ты щипать будешь!

Су Мо сделал вид, что не слышит. Он сел за стол, но завтрак не шел в горло. В голове всплывали обрывки сна, который преследовал его из ночи в ночь.

Пустынное шоссе, уходящее в бесконечность. Ни души. Почему он снова и снова видит это место? И где оно находится?